

На правах рукописи

ЛАПТЕВА
Татьяна Александровна

**ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ДВОРЯНСТВО РОССИИ
В XVII ВЕКЕ**

Специальность 07.00.02 –Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

доктора исторических наук

Москва–2013

Работа выполнена на кафедре отечественной истории до XIX в. исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
член-корреспондент РАН
Каштанов Сергей Михайлович
Институт всеобщей истории РАН

доктор исторических наук, профессор
Павлов Андрей Павлович
Санкт-Петербургский
государственный
университет

доктор исторических наук
Юркин Игорь Николаевич
Институт истории естествознания и
техники имени С.И. Вавилова РАН

Ведущая организация Институт российской истории РАН

Защита диссертации состоится « 8 » октября 2013 г. в 16.00 на заседании Диссертационного совета Д 501.001.72 по Отечественной истории МГУ по адресу: 119991, ГСП-1, Москва. Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А 419

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ по адресу 119991, ГСП-1, Москва. Ломоносовский просп., д. 27

Автореферат разослан _____ 2013 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук, профессор

Г.Р.Наумова

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. В последнее десятилетие в российской исторической науке наблюдается постоянный рост интереса к изучению истории русского дворянства во всех ее аспектах. Это касается и изучения местных дворянских родов и корпораций, и общих проблем и тенденций истории дворянства. Наблюдается переосмысление определенных теоретических положений и стереотипов, выработанных советской исторической наукой. История дворянского сословия в России начинает занимать подобающее ей место в общей истории страны. Однако обилие статей и публикаций и даже появление монографий, посвященных истории дворянства, свидетельствуют о преобладании в подходе к изучению проблемы «позитивистских» тенденций. Накопление фактического материала пока еще не сопровождается теоретическими обобщениями, постановка проблем и их решение не доминируют на фоне большого количества вводимых в научный оборот неизвестных ранее источников. Этот закономерный этап накопления материала в изучении истории дворянства должен, без сомнения, завершиться появлением ряда теоретических исследований, которые, безусловно, будут связаны и с новыми решениями в области изучения истории России в целом.

Подобная связь истории дворянства с общими тенденциями и проблемами истории страны позволяет найти новые подходы к решению этих проблем и по-новому осветить те узловые точки истории России в XVII в., которые привлекали внимание историков и ранее, но трактовались достаточно узко и прямолинейно. Изучение истории дворянства – не самоцель, а лишь одно из средств для достижения более глубокого понимания истории общества в целом. Дворянство – тот стержень, на котором основывалось и вокруг

которого постоянно обращалось все общественное устройство. Изучение проблем дворянской истории позволит лучше понять и изменения в развитии экономики страны в этот период, социальные перемены и социальную мобильность общества, историю финансов, эволюцию законодательства, постепенную подготовку общества к петровским реформам. И, наконец, без изучения истории дворянства невозможно изучение политической системы страны и политической культуры общества.

Объект исследования. Автор ограничивается рассмотрением вопросов истории провинциального дворянства, то есть помещного дворянства, служащего по отдельным «городам» и живущего в уездах. Проблемы, связанные с историей высших слоев дворянского общества – боярства и московских чинов – остаются за рамками данного исследования и затрагиваются лишь постольку, поскольку имеют отношение к истории провинциального дворянства. С одной стороны, состав, структура и привилегии этих слоев дворянства уже достаточно хорошо изучены, с другой стороны, взаимоотношения между этими двумя частями дворянского общества представляют собой отдельный и достаточно сложный вопрос, который может быть рассмотрен только после тщательного изучения положения каждой из указанных частей. Начать необходимо прежде всего с изучения провинциального дворянства потому, что оно дает наиболее репрезентативную картину положения сословия в целом как в силу своей большей численности, так и в силу своего большего влияния на процессы не только общественные, но и политические.

Довольно часто к дворянству XVII в. применяют понятие «служилое сословие». Хотя оно значительно шире приведенного выше понятия провинциального дворянства и включает в себя как высшие чины – боярскую аристократию и московские чины, – так и

«служилых людей по прибору», тем не менее в узком смысле оно значительно больше отвечает содержанию исследуемого предмета. Термин «дворянство» появился в русском языке в XVIII веке и обозначал уже несколько другой состав и другое значение сословия. В XVII же веке о провинциальном дворянстве говорили и писали как о «дворянах и детях боярских разных городов», разделяя его на две части, статус, права и привилегии которых были различными. Выборные рассматривались как «дворяне», дворовые и городовые же служилые люди не назывались дворянами, к ним применялся термин «дети боярские». Однако место проживания и характер службы «по городу», а также исполняемые социальные функции объединяли эти две группы в одно социальное целое, существовавшее в двух различных формах. Постепенно различие между этими формами стиралось и во второй половине XVIII в. фактически сошло на нет. Об этой двойственности провинциального дворянства XVII в. неоднократно писали историки, отмечая ее существенную роль в истории и формировании сословия. Существовал и часто применялся также термин «городовое дворянство», который включал в себя как дворян, так и детей боярских. Он может рассматриваться как синоним «провинциального дворянства».

Итак, употребляемый далее термин «провинциальное дворянство» является достаточно условным и представляет собой определенную модернизацию понятия, принятую для удобства характеристики процессов.

Предмет исследования Автор рассматривает ряд узловых проблем, связанных с историей дворянства, которые представляются наиболее важными для понимания общих тенденций развития сословия в XVII в. Это особенности и эволюция службы

провинциального дворянства, его земельных владений, положение этого сословия в системе юрисдикции, борьба дворян и детей боярских за свои экономические и юридические права. Сделана попытка воссоздать отличительные черты повседневной жизни дворян в уездах в XVII в.

В связи с этим поставлены следующие **задачи исследования**:

- изучить характер службы провинциального дворянства на протяжении почти века, выявить характерные изменения
- проследить процессы, проходившие внутри служилого «города» (эволюция численности, состава, порядка верстания поместьями и денежными окладами, состояние боеготовности, дисциплины)
- изучить эволюцию судебных прав и привилегий провинциального дворянства, характер защиты им своих прав в судах, влияние позиции сословия на законодательство
- исследовать характер социальной мобилизации провинциального дворянства и пополнения его за счет представителей низших сословий
- определить степень участия провинциального дворянства в политических событиях, его влияния на государственную политику и идеологию

Цель исследования – воссоздание на основании источников приближенной к реальности картины жизни и службы провинциального дворянства России в XVII в., изучение эволюции «структур», связанных с историей этого сословия.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что наряду с эволюцией социального положения дворянства в XVII в. сохранялись прежние формы его структуры и организации,

приспособлявшиеся к новым условиям в целях сохранения лояльности этого социального слоя.

Методологическая основа исследования. Исследование выполнено в рамках методов изучения социальной истории с применением количественных данных и репрезентативных выборок. Противоречия во взглядах историков на дворянство и его роль в русской истории подтверждает необходимость применять к этому историческому сегменту уже ставшие классическими системный подход и системный анализ, в рамках которого история дворянства могла бы рассматриваться как подсистема, функционирующая в рамках целого – государства и общества¹. Черты такого подхода уже намечены в трудах западных исследователей, прежде всего В. Кивельсон. Однако история дворянства должна рассматриваться не только как структурный элемент системы, но и в ее динамике, развитии и росте, обусловленном как эволюцией самой системы русского общества, так и противоречиями внутри данного сословия. Говоря о провинциальном дворянстве, специально подчеркнем, что к нему может быть применим в основном термин «сословие», так как термин «класс», в понятие которого, безусловно, дворянство входит, гораздо шире по своему составу и рассматривать провинциальное дворянство как класс можно только при определенных условиях. Внутри сословия различаются несколько социальных страт (групп). Отдельную социальную единицу, включающую эти страты, представляет собой тот или иной служилый «город». Изучение служилого «города» как феномена, безусловно, является изучением социальных структур, долговременных факторов исторического процесса. Сами эти структуры неоднородны и постоянно изменяются и развиваются.

Они охватывают множество аспектов, включая экономику, религию и духовную жизнь. Поэтому структуры нуждаются в изучении во множестве их форм. Изучение только микроструктур – уездных корпораций – недостаточно для понимания феномена служилого «города», однако в совокупности оно дает материал для серьезных обобщений. «Наука расчленяет действительность лишь для того, чтобы лучше рассмотреть ее благодаря перекрестным огням, лучи которых непрерывно сходятся и пересекаются»². Данное исследование является попыткой рассмотреть историю провинциального дворянства XVII в. в различных аспектах, в свете нескольких «перекрестных лучей».

Территориальные рамки исследования. Изученные источники охватывают большую часть региона Европейской части России, за исключением северных уездов. Особое внимание уделяется территориям нескольких уездов: Тверского региона, Боровска, Рузы, также Нижнего Новгорода, Арзамаса, Муррома, Рязанского региона. Подобная выборка является, на наш взгляд, репрезентативной, поскольку она отражает наиболее распространенные черты развития как небольших и бедных, так и многочисленных и лучше обеспеченных служилых «городов». Особенности развития служилых «городов» во Владимиро-Суздальском регионе изучены В. Кивельсон, в Новгороде – В.М. Воробьевым.

Хронологические рамки исследования включают в себя период 1620-х – 1690-х годов. Автор не обращается к истории провинциального дворянства во время династического кризиса и Смуты, а также в первые годы правления Михаила Федоровича. Во-

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 173.

² М.Блок. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 85

первых, проблемы истории дворянства этого времени уже достаточно подробно рассмотрены в монографии В.Н. Козлякова. Во-вторых, изучение социальных тенденций наиболее эффективно именно для периодов относительной внутривластной стабильности. Вместе с тем для лучшего понимания динамики процессов автор в ряде случаев обращается к фактам конца XVI–начала XVII вв. Широта хронологических рамок позволяет проследить выявленные «структуры» и тенденции наиболее полно, увидеть их связь с «конъюнктурами», но вместе с тем и обособить их друг от друга.

Источниковая база исследования. Автором привлечен широкий круг источников, как опубликованных, так и неопубликованных. Источниковой основой исследования истории русского провинциального дворянства были и остаются главные учетно-служебные документы этого социального слоя в указанное столетие – **десятники**. Большинство их хранится в РГАДА в фонде Разрядного приказа. Хранящиеся в фонде десятники не охватывают, однако, всю совокупность «городов». К ним не раз обращались историки дворянства, многие десятники XVI–XVII вв. были опубликованы в конце XIX в. В.Н.Сторожевым. Принципы работы В.Н. Сторожева с этим видом источников до сих пор не утратили своего значения. Документы позволяют установить, что составлению десятника предшествовало составление разборного списка на основании поданных дворянами и детьми боярскими «сказок», заверенных подписями. Поэтому копии десятков, составленных по разборным спискам, содержат упоминания о «прикладывании рук» разбираемых.³ Таким образом, можно

³ Сторожев В.Н. Тверское дворянство XVII века. Вып. 1. Тверь, 1891. С. 35; Вып. 3. Тверь., 1893. С. 5.

утверждать, что составление десятен проходило несколько этапов и сопровождалось значительной унификацией и отбором информации. Изучение десятен, интенсивно публиковавшихся в конце XIX–начале XX вв., было затем прервано более чем на полвека. В 70-е гг. XX в. эта традиция была продолжена А.Л. Станиславским⁴, однако кроме его работ, других отдельных публикаций десятен, к сожалению, вплоть до начала XXI в. не появилось. В последнее время публикация десятен вновь возобновилась, но она охватывает пока лишь небольшое количество регионов.

Во второй половине XVII в. в фонде Разряда десятни уступают место таким видам источников, как списки дворян и детей боярских и **разборные книги**. Особенно интересны разборные книги, формуляры которых позволяют значительно расширить сведения о службе и имущественном положении дворян и детей боярских. Ценный материал для характеристики службы провинциального дворянства дают смотренные списки Разряда, до сих пор еще плохо изученные и неопубликованные. В них можно обнаружить не только сведения о «нетстве» «городов», но и об организации их службы в тот или иной период, а также о вооружении, с которым они приезжали в полки.

Материалы десятен в значительной степени дополняют сведения **разрядных книг** первой половины XVII в.⁵ Здесь содержатся указы воеводам о мерах для сбора дворян и детей боярских на службу в том или ином городе, характере службы, наказаниях за уклонение от нее, составлении и содержании учетных

⁴ Роспись детей боярских Мещовска, Опакова и Брянска 1584 г. / Публ. А.Л. Станиславского // Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974; Станиславский А.Л. Десятни по Арзамасу 1597 г. // Советские архивы. 1976. № 3.

⁵ См., например: Разрядная книга 125 года // Временник МОИДР. 1849. Кн. 3. Материалы. С. 1-140; Книги разрядные. Т. 1–2. М., 1853–1855; Разрядная книга 1637-38 года / Ред. В.И. Буганов. М., 1983.

документов, количестве дворян и детей боярских того или иного «города» в полках, местах их службы и др.

Весьма ценную информацию о дворянах и детях боярских полковой службы, отставных из «городов», а также служивших копейную и рейтарскую службу дает перечневая роспись разрядов и полков, составленная в ходе военной реформы в 1681 г.⁶ Данные указанных книг дополняются сведениями **записных книг Московского стола** Разрядного приказа, где представлена информация как о дворцовом церемониале и различных «походах» и приемах царского двора, так и о выездах на службу, согласно указам, московского и провинциального дворянства, награждениях и наказаниях, отчеты о состоянии полков и различного рода отписки воевод, а также некоторые челобитные самих представителей провинциального дворянства. В этих книгах можно также найти сведения о численности дворян и детей боярских в городах, отставных и служивших гражданские службы.

Виды «столбцовых» документов достаточно разнообразны, но в основном преобладают такие, как челобитные, памяти, отписки воевод. Автором использовались прежде всего столбцы Московского и Новгородского столов, также Белгородского, Севского, Приказного и других столов. Большинство столбцов Московского стола были в свое время опубликованы в трех томах «Актов Московского государства», подготовленных к печати тоже В.Н. Сторожевым (далее – АМГ). Большое разнообразие публикуемых здесь документов позволяет использовать АМГ для изучения всех аспектов положения городского дворянства, особенно его службы и становления самосознания. В столбцах Разрядного приказа исследователями как XIX, так и XX вв. были обнаружены

сметы военных сил Русского государства 1632 и 1651 гг., в настоящее время опубликованные и хорошо изученные.⁷

Наказы о верстании городских дворян и детей боярских или, как их еще иногда называют, введения и преамбулы к десятям, частично опубликованы также в АМГ.⁸ Этот вид источников должен быть проанализирован не только в контексте того времени, когда они появились, экономических и политических условий, но и в контексте истории сословия как такового, принимая во внимание как сохранение традиционного содержания наказов, так и их постепенную эволюцию в сторону расширения сословных рамок заключающихся в них понятий. Грамоты воеводам с наказами о верстании, относящимися ко второй половине века, опубликованы в Полном собрании законов Российской империи (далее – ПСЗ).⁹

Законодательные акты и указы, касающиеся положения дворянства, опубликованные в первом, втором и третьем томах ПСЗ и «Законодательных актах Русского государства», в том числе и само Уложение 1649 г., являются не только важным источником для уяснения этого положения, но могут служить и собственно предметом источниковедческого и исторического анализа, отражая степень участия данного сословия в принятии того или иного акта, его редактировании и проведении в жизнь.

Немало сведений о службе, главным образом посольской, и судебных делах дворян и детей боярских можно извлечь из фондов

⁶ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Оп. 6. Книги Московского стола. Кн. 124.Л. 1–220.

⁷ Сметный список 139 году // Временник МОИДР. 1849. Кн. 4. С. 18–51; Смета военных сил 1651 г. // Дворянство России и его крепостные крестьяне: XVII – первая половина XVIII в. М., 1989. С. 8–33; Козляков В.Н. Служилый «город» Московского государства XVII века (От Смуты до Соборного Уложения). Ярославль, 2000. С. 95–108, 115.

⁸ АМГ. Т. 1. СПб., 1890. № 39, 40, 43, 44. С. 63–65, 77–78.

⁹ ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. № 615. С. 1021–1027; Т. 2. № 635. С. 31; № 744. С. 186–195; № 1148. С. 708–717.

Посольского приказа, хранящихся в РГАДА (Ф. 141 «Приказные дела старых лет», Ф. 159 «Приказные дела новой разборки»).

Коллективные челобитные дворянства как отдельный вид исторических источников давно уже вошли в научный оборот и ценность их не вызывает сомнений. Интерес к ним историков в последнее время возрастает. Однако их публикации относятся в основном к началу XX века¹⁰, ряд челобитных второй половины XVII в. был подготовлен к публикации А.А. Новосельским¹¹. Автором использованы также коллективные челобитные, отложившиеся в столбцах Новгородского и Владимирского столов Разряда. В дополнение к этому привлекались записи о коллективных челобитных в книгах Печатного приказа.

На важность содержащейся в фонде Печатного приказа информации обратил внимание еще С.Б.Веселовский.¹² Он начал работать с ним в 1911 г., но изученные им книги были опубликованы лишь в 1990-е гг. На большую информационную ценность **книг Печатного приказа** обращал внимание и А.Л. Станиславский, замечавший, что фонд приказа составляют «гигантские реестры документов, систематически освещающие едва ли не все стороны жизни Русского государства и имеющие первостепенное значение как для изучения истории феодального землевладения, так и классовой борьбы в XVII столетии».¹³ Книги

¹⁰ Смирнов П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII века. М., 1915; Сташевский Е.Д. К истории дворянских челобитных. М., 1915. Целый ряд коллективных челобитных дворян и детей боярских разных городов опубликован и в АМГ, однако, часто они публикуются не полностью, в изложении, без рукоприкладств-подписей, что мешает получить полное представление о документе. Несколько любопытных челобитных опубликованы С.Б. Веселовским в «Актах писцового дела». Т.2. Вып. 1. М., 1917.

¹¹ Новосельский А.А. Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // Дворянство и крепостной строй России XVI-XVIII веков. М., 1975.

¹² Документы Печатного приказа (1613-1615 гг.) / Сост. акад. С.Б. Веселовский. М., 1994.

¹³ Там же. С. 6. В последнее время документы Печатного приказа начинают привлекать все большее внимание исследователей. См.: Иванова Е.В. Книги Печатного приказа 1613-1649 гг. как исторический источник. Автореферат дисс.... канд. ист. наук. М., 2004 и содержащуюся там библиографию.

содержат записи о всех заключенных в разных учреждениях частного-правовых сделках, решениях по поданным челобитным, судебным искам и др. подобный источник заключает в себе поистине бесценную информацию, касающуюся биографических данных, социального статуса того или иного лица, повышении в чинах, служебных назначениях, родственных связях, земельных пожалованиях и земельных сделках, движимом и недвижимом имуществе и т.п. Информация, которую дает изучение книг Печатного приказа не ограничивается, безусловно, частно-генеалогическими вопросами. Ее сжатость, содержательность и репрезентативность позволяет легко сменить аспект и срез исследования и изучать почти с максимально возможной полнотой ту или иную сторону социальной и общественной жизни России XVII в. Это могут быть коллективные челобитные разных социальных групп или сословий, жалованные грамоты той или иной категории населения, земельные пожалования, земельная политика, организация судопроизводства, вопросы организации службы того или иного сословия, административное управление на местах, организация торговли и др. Записи Печатного приказа дают возможность не только наметить основные вехи и тенденции возникновения исторически значимых явлений, но и проследить на протяжении десятилетий их эволюцию. Все это позволяет говорить об очень большой степени репрезентативности данного источника. При работе с данным типом источников могут быть использованы количественные методы, дающие исследователю наиболее адекватную информацию.

Историография проблемы. Работы, предметом исследования которых являлась бы история русского провинциального дворянства в XVII в., можно пересчитать по

пальцам одной руки. До сих пор это лишь одна монография В.Н. Козлякова, а также несколько статей А.А. Новосельского. Причинами такого положения стали с одной стороны, недостаточная изученность источников на протяжении XIX– начала XX вв., и с другой – фактический негласный запрет изучения данной темы на протяжении почти всего XX столетия.

Вместе с тем замечания, наблюдения, а иногда и довольно пространные рассуждения о провинциальном дворянстве содержатся в целом ряде общих обзоров и очерков, посвященных истории дворянства в России. Автором проанализированы воззрения на состав, структуру, порядок службы, земельные владения, права и привилегии провинциальных дворян, взаимоотношения сословия и государства историков и историков-архивистов конца XVIII – начала XX вв. (Г.Ф. Миллера, П.И. Иванова, И.Д. Беляева, С.М. Соловьева, Н.Г. Устрялова, И.А. Порай-Кошица, М. Яблочкова, Н. Загоскина, Н.В. Калачова, Н.Н. Оглоблина, В.О. Ключевского, А.А. Востокова, В.Н. Сторожева, С.В. Рождественского, Н.П. Павлова-Сильванского, Н.А. Рожкова, В.И. Новицкого, А.И. Яковлева). Рассмотрены также взгляды историков начала XX в. (И.И. Дитятин, П.П. Смирнова, Е.Д. Сташевского) на борьбу провинциального дворянства за свои экономические и сословные права, воздействие этой борьбы на законодательство и государственную политику.

По мере накопления материалов и изучения источников уточнялось содержание терминов и названий, имеющих отношение к служилому «городу», представления о его структуре, порядке верстания и составления десятен, регламентации службы дворянства, получения земельных владений. Возникла полемика между Н.Н. Оглоблиным и В.Н. Сторожевым по вопросу об

определении понятия *десятни*, в которой, на наш взгляд более убедительным выглядел В.Н. Сторожев.

Вместе с тем слабой стороной исторических сочинений того времени было использование в качестве источников прежде всего указного материала, законодательных актов XVII в., причем периодичность и традиционность этих указов не принималась во внимание, они считались однократными.

Однако недостаточная изученность других источников, прежде всего массовых, приводила к тому, что в науке господствовали представления о преобладающей роли государства в истории развития русского общества и его структур, регламентации государством всех сторон этого развития и самого образования и формирования сословий. Подобные априорные выводы достаточно глубоко проникли в науку и научную литературу не только XIX, но и XX вв. и превратились по существу в догматы, способствуя формированию достаточно односторонней картины исторической действительности XVII столетия.

В конце XIX в. появился ряд фундаментальных работ по истории дворянства, прежде всего книга Н.П. Павлова-Сильванского «Государевы служилые люди» (СПб., 1898), в которых дворянство рассматривалось как «всецело зависимый от правительства служилый класс» или крепостное сословие, «государевы холопы, не имевшие никаких особых привилегий и вынужденные тянуть «тягло» ратной службы. Однако почти одновременно в трудах ряда историков (М.А. Дьяконов, Н.А. Рожков, А.А. Яковлев) все большее внимание стало уделяться борьбе дворянства за свои права, выраженной в коллективных челобитных, в союзе с другими социальными группами, подчеркивались влияние дворянства на

политические и социальные процессы XVII в., высокий уровень организации уездных корпораций.

К рубежу революций 1917 г. историческая наука достигла значительных успехов как в изучении источников, так и в создании общей картины положения дворянства в XVII в. и некоторых отдельных аспектов его истории, несмотря на наличие известной противоречивости оценок. В дальнейшем изучение этого сегмента русской истории было существенно заморожено и замедлено, хотя появлялись отдельные работы, которые продвигали науку вперед в этом направлении и содержали гораздо более взвешенные выводы, чем ранее. Это главным образом труды А.А. Новосельского, который указал новые направления исследования, привлекая новые источники и используя количественные методы их анализа. Новосельский выдвинул и положение о существенной роли семейных и родовых связей в жизни служилых «городов», о роли в них отеческой и родовой чести и широком развитии местничества в среде провинциального дворянства, а также и о местничестве самих служилых «городов»¹⁴. Новые выводы с опорой на вышеизложенное были сделаны исследователем относительно причин упадка служилого «города» во второй половине XVII в. Эти причины он видел не только в увеличении роли и количества полков нового строя, но и в «фрондировании» городского дворянства против власти и боярства, а главное, против воевод, что значительно понижало уровень дисциплины и боеспособность войска¹⁵. Это и привело в конечном итоге, по мнению исследователя, к решению правительства заменить дворянские сотни регулярными полками нового строя. Новосельский выдвинул также тезис о высоком уровне

¹⁴ Новосельский А.А. Правящие группы в служилом «городе» XVII в. // Ученые записки РАНИОН. Вып. 5. М., 1929. С. 333.

развития социального самосознания провинциального дворянства, что противоречило принятой ранее в научной среде концепции о полной зависимости этого сословия от государства¹⁶. Позднее А.А. Новосельский стал автором популярной до сих пор теории распада землевладения служилого «города» вследствие развития товарно-денежных отношений и постепенного исчезновения к концу XVII в. «города» как структуры. Однако в настоящее время эта теория не может, на наш взгляд, выдержать критики, поскольку не подкреплена анализом массовых источников¹⁷.

В 1980-х гг. вновь возник интерес к такому виду источников, как коллективные дворянские челобитные. В статье и диссертации Д.А. Высоцкого¹⁸ указывалось на большое значение этого вида источников, его массовость и репрезентативность, намечены пути поиска и выявления всей совокупности подобных челобитных. Рассматривая их как выражение общественно-политических взглядов и классовой позиции дворянства на пути укрепления абсолютизма, автор, однако упускал из вида его сословные интересы и противоречия внутри самого сословия.

В 1990-2000-е гг. традиции А.А. Новосельского были продолжены в работах И.Л. Андреева. В центре его внимания как сам служилый «город», так и вопросы развития сословного самосознания, роли коллективных челобитных¹⁹. Рассматривая

¹⁵ Там же. С. 335.

¹⁶ Служилое общество и землевладение на Белоозере после Смуты // Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 139-161; Его же. Город как военно-служилая и как сословная организация провинциального дворянства в XVII в. // Там же. С. 178-196.

¹⁷ Новосельский А.А. Распад землевладения служилого города в XVII в. (по десятиям) // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 249.

¹⁸ Высоцкий Д.А. Коллективные дворянские челобитные XVII в. как исторический источник // ВИД. Вып. XIX. Л., 1987. С. ; Его же. Общественно-политические взгляды помещного дворянства и внутреннее развитие Русского государства XVII в. Дисс... канд. ист. наук. Л., 1988.

¹⁹ Андреев И.Л. О проблеме сословной организации и сословном самосознании служилого «города» в XVII столетии // Сословия и государственная власть в России. XV– середина XIX

служилый «город» как жестко структурированную, иерархичную, характерную для средневековья организацию, основанную на началах «равенства», что поддерживалось властью, причины распада «города» Андреев видит в усилении начал неравенства.

Следует отметить и статьи В.М. Воробьева, посвященные истории новгородской служилой корпорации. Автор рассматривает поместное войско и служилый «город» не как анахронизм и препятствие на пути военных реформ, а как достаточно боеспособную и готовую к реформированию и эволюции структуру.

В 1990-2000-е годы появилось значительное количество статей и публикаций, посвященных истории местных дворянских корпораций и дворянских родов в отдельных уездах. Многие из них содержат не только генеалогическую и краеведческую информацию, но и широкие обобщения, касающиеся динамики роста и изменений структуры местных дворянских обществ, в некоторых исследованиях рассмотрены вопросы эволюции служилого «города» не только в отдельных уездах, но и в целом в России.

Закономерным итогом изучения истории дворянства в 90-е гг. стала вышедшая в 2000 г. монография В.Н. Козлякова. Она ознаменовала значительный шаг вперед в обобщении уже сделанных наблюдений и осмыслении процессов, происходивших в служилом «городе» в первой половине XVII в. На основании привлечения новых и комплексного изучения уже известных источников, опираясь на выводы и методику работ своего учителя А.Л.

вв. Международная конференция– Чтения памяти акад. Л.В.Черепнина. Тезисы докладов. Ч. 1. М., 1994. С. 13-20; Дворянство и служба в XVII веке // ОИ. 1998. № 2. С. 164–175; Коллективные дворянские челобитные XVII века как исторический источник // Источниковедение: Поиски и находки. Вып. 1. Сборник научн. трудов Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 2000. С. 57–70.

Станиславского, автор проследил процесс участия провинциального дворянства в политических процессах во время Смуты и его последующего участия в политической борьбе посредством подачи коллективных челобитных и противостояния с «сильными людьми», изучил и описал структуру служилого «города», организацию его службы, военной и гражданской, его участие в сословном и местном самоуправлении, черты мировоззрения и самосознания уездного дворянства. Однако вне рамок монографии оказались вопросы эволюции служилого «города», автор рассматривает его как устойчивую структуру, во второй половине XVII века подвергшуюся распаду.

Иностранное исследование, посвященное истории русского дворянства, немногочисленно, однако отличаются значительной широтой разработки и глубиной постановки темы. В исследовании Ричарда Хелли на основании прежде всего опубликованных источников описывается процесс складывания в России т.н., следуя его терминологии, «среднего служилого класса», который был создан государственной властью. Достоинствами книги Хелли являются комплексный, системный подход к изучению проблемы, поиски связи между различными явлениями политической, экономической, военной истории и стремление увидеть их как в динамике, так и в статике; это, несомненно, указание на тесную связь истории дворянства с военной историей России и реформами армии, проходившими в XVII в.

Переосмысление сложившихся в истории изучения русского дворянства стереотипов является определяющим в содержании вышедшей в 1996 г. монографии В. Кивельсон. Автор опирается прежде всего на новые архивные источники по истории дворянских корпораций владими́ро-суздальского региона. Такой подход

позволил ей по-новому взглянуть на многие устойчивые представления и сделать выводы о том, что развитие России в XVII в. шло в русле развития западноевропейских государств Раннего Нового времени и развеять миф о том, что русское общество в это время представляло собой однородную массу, обязанную служить всесильному государству.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использования его результатов при разработке общих и специальных курсов по истории допетровской России, в ходе генеалогических и краеведческих поисков, в учебном процессе при подготовке историков-специалистов. Данное исследование заполняет одну из важных лакун в отечественной истории, вместе с тем оно соприкасается и с социологической наукой.

Апробация работы. Основные выводы и положения диссертации излагались на международной конференции «Сословия, институты и государственная власть в России» Института всеобщей истории РАН (2010). Обсуждение работы состоялось на кафедре истории России до начала XIX в исторического факультета МГУ, отдельных ее аспектов на семинаре в РГАДА под руководством В.Д. Назарова. По теме диссертации опубликована монография и статьи (см. список ниже).

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) На протяжении XVII в. условия и характер службы провинциально дворянства значительно менялись, эволюционируя вместе с изменением внешнеполитической и внутренней обстановки. Это выразилось в том числе в переходе к новым формам военной организации (полки нового строя), облегчении условий службы и замене ее денежными взносами.

- 2) Подобная эволюция не сопровождалась уничтожением старых форм структуры и службы «городов». Служилый «город» сохранялся вплоть до начала XVIII в.
- 3) Материальное положение провинциального дворянства на протяжении XVII в. улучшалось, однако крестьянскими дворами владела лишь половина провинциальных дворян. бедность приводила к уклонению от службы, что заставляло правительство искать новые формы организации и снабжения войска.
- 4) Провинциальное дворянство активно боролось за свои права в судопроизводстве и явилось зачинщиком принятия единого кодекса законов (Соборного Уложения) и последующего совершенствования судебной системы
- 5) Способом борьбы за свои права служили прежде всего коллективные челобитные, а также представительство выборных, что позволяло правительству контролировать обстановку на местах.
- 6) На протяжении XVII в. в России происходил процесс аноблирования, верстания в дети боярские представителей низших сословий, вызванный напряженной внешнеполитической обстановкой и сходный с процессами, происходившими в Западной Европе.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- 1) Впервые изучено социально-политическое положение провинциального дворянства России на протяжении всего XVII столетия, в том числе эволюция условий службы, земельного обеспечения и обеспечения рабочими руками, правового положения, участия в административной и политической жизни, социальная мобильность.

2) Изложено новое представление о сохранении «служилого города» как социальной и военной структуры вплоть до начала XVIII в.

3) Впервые указано на облегчение условий службы в конце XVII в. и замену ее денежным жалованьем.

4) Изучены причины уклонения провинциального дворянства от службы («нетство»).

5) Выдвинута новая гипотеза о порядке получения провинциальным дворянством жалования «из четверти».

6) Впервые проанализировано обеспечение провинциального дворянства поместьями и вотчинами на протяжении века.

7) Впервые показано сохранение земельных владений каждого служилого «города» в основном в пределах одного уезда.

8) Впервые указано на сдачу поместий в аренду дворянами и детьми боярскими, не обладающими рабочими руками.

9) Впервые проанализировано положение провинциальных дворян в системе судопроизводства и их коллективные челобитные об изменении этой системы и об отсрочках в судебных делах.

10) Рассмотрены основные формы коллективных челобитных провинциального дворянства в XVII в. и показано их влияние на формирование политики правительства Романовых.

11) Впервые рассмотрен процесс верстания в дети боярские представителей низших сословий как фактор социальной мобильности.

Структура исследования. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы. Общий объем исследования составляет 548 страниц.

II. Содержание и основные выводы работы

Во **введении** раскрывается актуальность темы, ставятся цели и задачи исследования, его хронологические и территориальные рамки, характеризуется степень изученности проблемы, источниковая база, излагаются методологические основы исследования, показывается его научная новизна.

Глава 1 «Служба провинциального дворянства в XVII веке» состоит из 31 раздела.

В разделе 1.1 анализируется положение служилых «городов» после Смуты и до середины XVII в. по данным десятиен «городов» Тверского региона, также Боровска, Рузы, Нижнего Новгорода и Арзамаса. Источники свидетельствуют об улучшении экономического положения провинциального дворянства и возрастании численности «городов».

В разделе 1.2. рассматривается положение «городов» во второй половине XVII в. К середине 1660-х гг. общая численность служивших полковую службу в «городах» сократилась более чем вдвое, что было связано как с военными потерями, так и с переходом дворян и детей боярских на службу в полки нового строя. Вместе с тем к концу века общее число провинциальных дворян и детей боярских значительно выросло.

Раздел 1.3 посвящен описанию службы дворян и детей боярских после Смуты до Смоленской войны. Рассматриваются порядок разделения «городов» на половины, сроки приезда на службу и отъезда с нее для «городов» разных регионов, освобождения от службы отдельных «городов», их размещение в приграничных районах. Автор приходит к выводу об относительно спокойном характере службы в этот период, что позволило дворянству сосредоточиться на хозяйственных проблемах.

В разделе 1.4. исследуется служба «городов» во время Смоленской войны. Война ознаменовала собой определенный рубеж в истории провинциального дворянства: начало реформы военного строя, запись обедневших дворян и детей боярских в солдатские полки. Кроме того, «города» подвергались экзамену непрерывной и длительной войны в неблагоприятных погодных условиях, при отсутствии достаточных запасов. Этого экзамена поместное войско в целом не выдержало. Последствием войны стало уменьшение численности «городов», разорение хозяйства южных уездов, конфискация поместий не явившихся на службу «нетчиков». Основной причиной невыезда на службу была, как показывают документы, бедность.

В разделе 1.5. рассматриваются изменения в порядке службы после Смоленской войны. Осознав опасность татарских набегов, правительство начало укреплять южные границы государства, строить Белгородскую черту. Изменился порядок расположения полков и принцип их комплектования. Продолжилось формирование полков нового строя, куда записывались беднейшие представители провинциального дворянства. Военная служба «города» постепенно усложнялась и дифференцировалась, в зависимости от степени вооруженности и боеготовности служилого человека, что, подготавливало военную реформу и появление полков нового строя. Порядок службы, несмотря на сохранение традиций, постоянно менялся в деталях от года к году, приспособляясь к общей политической и военной обстановке. Изменился и характер вооружения. На смену прежним саадаку и сабле пришли карабины и пистолеты, которыми правительство стремилось снабдить как можно большее число служилых людей.

В разделе 1.6. анализируются новые мероприятия правительства Алексея Михайловича, прежде всего указ о выборе знаменщиков 1646 г. и связанные с этим изменения представлений о служебном статусе. Попытка реформы потерпела неудачу именно из-за сопротивления служилых «городов», однако нашла своих сторонников и была этапом на пути постепенного отказа от старых представлений о службе.

Раздел 1.7. посвящен строительству Белгородской засечной черты и участию в этом провинциального дворянства. Характер службы изменился – отныне ее прохождение и возможность повышения в чине зависели уже не только и не столько от «конности» и «оружности» провинциального дворянина, сколько от его «людности». За каждую лишнюю сажень вала предполагалась определенное поощрение и придача. Увеличилась и отдаленность, и продолжительность службы. Все эти обстоятельства приводили к ухудшению положения беспоместных однодворцев.

Раздел 1.8. касается службы «городов» накануне событий 1648 г. Разнообразие служб, а также социальная неоднородность «города» приводили уже в середине 1640-х гг. к его разделению по месту расположения, что вызывало протесты. В 1648 г. состоялся ряд указов, облегчавших службу украинских и замосковных «городов», что было вызвано, в том числе, общей политической обстановкой в стране.

В разделе 1.9. анализируется разбор и выдача денежного жалованья «городам» в 1648–1649 гг. Под давлением массовых челобитий «городов» правительство в январе и феврале 1649 г. распорядилось о разборе их на местах и о придачах за службу на южной границе и участие в строительстве Белгородской засечной черты. Под угрозой массовых протестов и выступлений дворян

выплачивалось жалованье не только исправно несшим службу, но также и нетчикам. В 1649 г. почти все корпорации провинциального дворянства были освобождены от службы на Белгородской черте.

Раздел 1.10. посвящен анализу процесса записи в полки нового строя провинциальных дворян и детей боярских. Отмечается постепенное наращивание правительством этого процесса, а также стремление сохранить прежнее социальное положение рейтар и солдат в структуре «городов».

В разделе 1.11. рассматриваются изменения в порядке службы «городов» во время войны с Польшей. В это время в службе «городов» причудливо переплетались нововведения и традиции. Новые взгляды на способы ведения военных действий, службу в полках иноземного строя, роль символов и знамен в полках этого строя боролись со старыми представлениями и постепенно проникали в среду провинциального дворянства. Однако служилые «города» часто не выдерживали новых напряженных условий службы.

В разделе 1.12. речь идет о службе на южных рубежах и образовании Белгородского разряда, а также о трудностях, которые испытывало правительство при ускоренном переводе дворян и детей боярских этого региона на службу в драгунских и солдатских полках.

В разделе 1.13. анализируются причины ухудшения положения «городов» и трудностей в организации службы в 1660-е гг. во время войны с Польшей. Бедность, голод и бегство крестьян заставляли провинциальных дворян покидать места службы. Итоги разбора показали, что большинство городских дворян и детей боярских не могут служить без жалованья в связи с отсутствием земельных владений и крестьянских дворов, бедностью и

«безлошадством». Они не приезжали на службу в срок и не оставались на ней до отпуска прежде всего по эти причинам. Лишь четверть состава «городов», в большинстве своем выборные и дворовые, могли выезжать на службу в полном вооружении и с людьми.

В разделе 1.14. рассказывается о реформах 1679–1681 гг. и новой организации службы «городов» по разрядам (полкам). В полки нового строя правительство мобилизовало на этот раз уже не только беднейших детей боярских, но и тех дворян, которые имели меньше 24 дворов. Их записывали в гусары, копейщики и рейтары. Служба «городов» стала более упорядоченной, был облегчен и проезд на нее. В 1681 г. для всех разрядов (полков) была составлена полковая роспись с указанием числа городских дворян и детей боярских полковой службы, полков нового строя, конных и пеших служилых людей в каждом полку и разряде. Эта роспись дает представление о численности «городов» того времени, и в том числе о численности внутри этих «городов» дворян и детей боярских полковой службы (то есть прежней поместной конницы) и дворян и детей боярских из тех же «городов» в полках нового строя (копейщиков, рейтар и солдат). Вместе с тем служба в полках нового строя продолжала соотноситься со службой «города».

В разделе 1.15. рассматривается служба «городов» в 1680-х гг. Определенное облегчение службы в первой половине 1680-х гг. сменилось ее напряженностью во время Крымских походов, в которых участвовали все «города», даже отдаленный Новгород. Дворяне и дети боярские полковой службы для этих походов уже расписывались не в сотни, а в роты. Большинство дворянства полковой службы из «городов» предпочло от этой дальней службы

уклониться, что не повлекло другого наказания, кроме взимания с их крестьянских дворов рублевых денег.

В разделе 1.16. речь идет о службе «городов» в 1690-х гг. Наиболее масштабное привлечение их на службу относится к Азовским походам 1695 и 1696 гг., однако тогда приняли участие в военных действиях лишь 10-20 % дворян и детей боярских полковой службы. Говорить об исчезновении службы «городов» в 1690-е гг. не приходится, можно сказать лишь о том, что служившие полковую службу не всегда привлекались на театр военных действий. Свое отсутствие они компенсировали денежными взносами.

Раздел 1.17. посвящен подобным указам о замене службы денежными взносами. Указы 1699–1700 гг. позволяли не желающим нести военную службу провинциальным дворянам вносить в казну по полтора рубля с человека и по полуполтине с крестьянского двора. Это значительно облегчало положение провинциального дворянства, но свидетельствовало и о том, что поместная конница перестала играть свою прежнюю роль.

В разделе 1.18. рассматриваются особенности службы и состава «городов» в конце XVII в. Порядок службы во второй половине века также сохранил многие прежние черты. Продолжали осуществляться и периодические разборы служилых людей в городах, верстание, запись в десятни, по выбору, в дворовые и пр. Прибавилось большое число новых «городов» на южных и восточных рубежах.

В разделе 1.19. говорится о значении поместных окладов и их эволюции на протяжении века.

Раздел 1.20. посвящен системе денежных окладов, также формам и порядку получения дворянами и детьми боярскими

денежного жалованья Жалованье «из четверти» было связано с исполнением различных административных и военных поручений в городах той четверти, куда дворяне были «пущены» и выплачивалось регулярно. Жалованье «с городом» было нерегулярным и не могло превышать, как правило, 14 руб. в год. Автор отмечает к концу века такое же увеличение денежных окладов представителей провинциального дворянства, как и окладов поместных.

С вопросом о порядке выдачи денежного жалованья тесно связан и вопрос о поручительстве по службе, который рассматривается в разделе 1.21. Поручителями являлись прежде всего обеспеченные окладчики. Поручительство являлось одним из свидетельств корпоративной жизни, сохранения структуры и обычаев того же «города» и при переходе на новые формы военной службы.

Раздел 1.22. касается порядка получения придач к поместным и денежным окладам, которые жаловались за определенные службы, участие в военных компаниях, земских соборах, также в связи с политическими и династическими событиями. Придачи могли стать и последствием подачи коллективных челобитных. Система придач поддерживала тенденции «равенства» при строгой иерархии внутри служилого «города» и укрепляла этот институт изнутри.

Равным образом на это укрепление работала и система убавления окладов и понижения в чинах, рассмотренная в разделе 1.23. Существенным понижением статуса московского дворянства было и написание «с городом».

В разделе 1.24 анализируется порядок снабжения поместного войска продовольствием и фуражом, то есть «запасами». Проблема доставки запасов из поместий и вотчин на место службы оставалась

одной из самых острых для служилых людей, особенно из дальних «городов». Голод и отсутствие запасов стали причиной многих случаев бегства со службы. Государство на протяжении XVII в. берет на себя все больше мероприятий по снабжению. Поставка даточных людей, хлебных запасов и денег на войско была разложена на население всего государства, города и все чины. Снабжение войск во второй половине века превратилось в серьезную государственную задачу, выполнение которой поручалось московским торговым и посадским людям, а также представителям привилегированного купечества.

Раздел 1.25 посвящен системе назначения и выборов голов и других военных чинов сотен «служилого города». Дворяне и дети боярские имели право выбора в своих «городах» как окладчиков, так и командовавших ими непосредственно в военных действиях (голов) и исполнявших другие службы («нарядчиков», «знаменщиков», впоследствии поручиков и хорунжих, а также денщиков). Для голов сотен существовали как выборы, так и назначение. Тем не менее институт выборов как нельзя лучше соответствовал сущности служилого «города» как структуры.

Порядок отставки от службы и временного освобождения от нее рассматривается в разделе 1.26. Автор приходит к выводу о том, что у служилых людей имелось право на отставку как при наличии уважительных причин (старость, болезни), так и при желании заменить себя на службе родственником или даточным человеком. Увеличение количества отставных к концу XVII в. связано прежде всего с понижением военного значения полковой сотенной службы, а также, как можно предположить, и снижением возрастного порога отставки. Количество новиков и недорослей, однако, превышало

количество отставных по списку, что свидетельствовало о жизнеспособности «городов».

В разделе 1.27. говорится о порядке переписки по другому «городу». Это также было правом провинциальных дворян, связанным с желанием служить вместе с родственниками, получением поместья или вотчины в другом уезде.

Причины уклонения дворян и детей боярских от службы и количество так называемых «нетчиков» в «городах» анализируется в разделах 1.28 (1620–1670-е гг. XVII в.) и 1.29 (1680–1690-е гг.). Автор приходит к выводу, что строгость наказания нетчиков была вызвана прежде всего военными угрозами, в мирное же время наказание смягчалось или не назначалось. Большинство нетчиков были «малопоместны» и «безпоместны», не имели крестьянских дворов, лошадей, оружия и запасов, не могли нести службу в круглогодичных условиях. Документы показывают, что основную массу нетчиков составляли городские дети боярские, среди выборных их не было вовсе, а среди дворовых нетчики составляли незначительную часть. Много было нетчиков и среди новиков и недорослей «с отцовских поместий». В среднем же количество нетчиков в «городах» колебалось на уровне 5–10%. Для большинства провинциальных дворян и детей боярских преобладающим было стремление служить и отличиться на службе, нежели уклониться от нее. К концу века устранение прямых военных угроз для государства сказалось в смягчении системы наказаний за уклонение от службы, предпочтении взыскивать с уклоняющихся денежные штрафы.

Характер гражданской службы дворян и детей боярских исследуется в разделе 1.30. После Смуты служба в приказах и на других мелких административных должностях часто была

единственным источником дохода для разорившихся провинциальных дворян. Исполнение административных поручений, служба на воеводствах в небольших городах являлось дополнительным материальным поощрением отличившихся. Служба в губных старостах, которые избирались городом и уездом, предоставлялась, как правило, отставным служилым людям. Они должны были быть «прожиточными» и грамотными. Вообще правительство предпочитало привлекать к гражданским службам именно отставных дворян и детей боярских. В общем составе «городов» служившие гражданские и придворные службы составляли не более 15%, хотя к концу века их число в некоторых городах увеличилось.

Раздел 1.31. посвящен посольским службам провинциальных дворян. Провинциальное дворянство, находившееся в Москве во время приезда посольств, привлекалось к посольскому церемониалу по спискам. Участие в церемониале предусматривало приветствие послов на паперти и лестнице Благовещенского собора в Кремле в строгом соответствии с социальной иерархией чинов, встречах посольств на пути их следования. Выборные дворяне иногда назначались посланниками и гонцами. Вместе с тем к встречам в Москве правительство предпочитало привлекать прежде всего московское дворянство, и лишь в случае его малочисленности дворянство провинциальное. Дворовые и городские дети боярские принимали участие и в «посольских разменах», то есть во встрече послов и посланников, приезжавших из Крыма и отправке туда новых посольств. Встречали посольства во второй половине XVII в. и провинциальные дворяне в составе рейтарских и солдатских полков. Порядок посольских служб провинциального дворянства не претерпел существенных изменений на протяжении XVII в.,

традиции сохранялись, несмотря на определенные коррективы, связанные с реформами военного строя.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что на протяжении XVII в., условия службы, ее характер и формы не были статичны, они в значительной степени изменялись вместе с эволюцией внешней и внутренней политики государства, снижением уровня внешней опасности, улучшением экономического положения. Эволюция эта шла как в сторону перехода к новым формам военной организации (полки нового строя), так и смягчения и облегчения условий службы в целом. Вместе с тем подобная эволюция не предполагала полного уничтожения старых форм службы «городов».

В главе 2 «Землевладение провинциального дворянства», включающей 14 разделов, анализируется экономическое состояние сословия.

Раздел 2.1. посвящен экономическому положению разоренных «городов» в первой половине века. Дворянство разоренных «городов» поддерживалось правительством, предоставлявшим как земельные владения из поместья в вотчину, так и поместья в других уездах, прежде всего северных. Однако такая поддержка была недостаточной, и относилась прежде всего к выбору и дворовым, что и позволило этим чинам «городов» существенно поправить свое положение к Смоленской войне и укрепить его к середине века.

В разделе 2.2. рассматривается вопрос о распаде землевладения служилого «города». Автор приходит к выводу, что в целом процесс распада земельных владений служилого "города", если и происходил, то охватывал лишь часть «городов», а также уравнивался другими процессами, ведшими, наоборот, к

консолидации земельных владений городских корпораций в пределах одного уезда. К консолидации земельных владений городских корпораций в пределах одного уезда приводил также постоянно проходивший процесс переписки по службе из «города» в «город». Причиной такой переписки было приобретение в том или ином уезде земельного владения, например, выслуженной или приданной вотчины, а также наличие родственников в той или иной корпорации.

В разделе 2.3. показано экономическое положение других «городов» в первой половине века. Поместья большинства городских относительно благополучных «городов», находившиеся вне зоны боевых действий, оставались населенными, однако количество крестьян и бобылей здесь не превышало 10 чел. в поместье или вотчине. Больше количество крестьян жило в вотчинах. Вотчинами владели прежде всего выборные и дворовые чины. Им же в первую очередь были пожалованы вотчины за службу, главным образом, за «московское осадное сиденье». Из городских такие вотчины получили единицы. Попытка преодолеть кризис поместной системы за счет пожалований в вотчину не затронула большую часть состава «городов». Основная часть «городов» продолжала сохранять компактное землевладение, в одном уезде.

Подобная компактность землевладения «города» поддерживалась и ограждалась от проникновения посторонних правительством, издавшим в 1620-1630-х гг. ряд указов по этому поводу. Эти указы рассмотрены в разделе 2.4., посвященном законодательным актам о поместьях и вотчинах в первой половине XVII в. Своими указами правительство поддерживало не только поместную систему «городов», но и «родовую», наследственную

систему передачи земельных владений внутри «городов». В 1637 г. был установлен 9-летний срок сыска беглых крестьян, в 1641 г. этот срок был увеличен до 10 лет, а срок отдачи вывозных крестьян до 15 лет. Правительство прилагало усилия к тому, чтобы земля не «выходила из службы», для чего появился указ 29 июня 1639 г. о запрещении отдавать поместья городовых служилых людей московским чинам. Оно издавало указ за указом с целью укрепления поместной системы «городов» и ограждения ее от разрушения товарно-денежными отношениями. Все эти меры уже к концу 1630-х гг. начали давать свои плоды, поместная система возрождалась и укреплялась, пустые земли заселялись.

В разделе 2.5. приведена выборка количества и содержания земельных сделок по записям в Печатном приказе в апреле месяце 1625, 1635 и 1645 гг., указывающая на активное возрождение поместной системы и организации розыска и возвращения крестьян и холопов по судебным искам.

Эффективность политики правительства по восстановлению поместной системы по состоянию к середине XVII в. анализируется в разделе 2.6. Источники (главным образом десяти) показывают, что в большинстве «городов» происходило возрождение поместной системы (поместий и вотчин не имели уже только единицы), увеличение числа крестьянских дворов, прежде всего у выбора, у которого количество дворов уже превышало 20. Среднее же количество дворов не превышало 10. Самой бедной частью «города» оставались городские дети боярские, половина которых владела пустыми поместьями, другая же половина имела только 1–3 крестьянских и бобыльских двора.

Судя по записям земельных сделок в Печатном приказе во второй половине века, анализу которых посвящен раздел 2.7., можно

констатировать серьезное возрастание интенсивности мобилизации земельных владений, интереса дворянства к приобретению незаселенных, пустых земель и возврату беглых. Количество четвертей земли, о которых шла речь в грамотах, не превышало 300, среднее же количество четвертей, по которым фиксировались сделки, не превышало 100. В среднем помещики владели не более чем 4 дворами. Документы показывают значительное дробление владений дворян и детей боярских в уездах, вызванное разделами между наследниками, передачей родственникам, женихам и пр. Этот процесс дворяне пытались компенсировать во второй половине века достаточно интенсивной меной поместных земель с целью укрупнения владений.

В разделе 2.8. рассматривается экономическое состояние «городов» Тверского региона по данным разборных книг 1660-х гг. По сравнению с 1649 г. экономическое положение тверского дворянства, в том числе и выборного, ухудшилось, что неудивительно в условиях длительной войны с Польшей. В поместьях и вотчинах в это время появляется много пленных и «литовских выходцев».

В разделе 2.9. показано состояние хозяйства провинциальных дворян по итогам разборов 1670-х гг. Разбор 1675–1676 гг. проводился с целью выяснения служебной готовности и годности провинциальных дворян и детей боярских. Правительство должно было выяснить, каково обеспечение «городов» крестьянскими и бобыльскими дворами, угодьями и другими источниками пополнения доходов. Разбор 1679 г. был предпринят с целью записи небогатых помещиков в рейтарскую службу. Итоги разборов показали невозможность для большинства дворян и детей боярских служить без жалованья, используя лишь доходы с земельных

владений. В наилучшем положении находились выборные, которые имели два и более десятка крестьянских дворов, поместья и вотчины, задворных и деловых людей, большие сенные покосы, рыбные ловли. Положение дворовых было несколько хуже, количество дворов не превышало 15. Городовые дети боярские имели лишь по несколько дворов, по одному задворному или деловому человеку. Гораздо беднее, как и ранее, в начале и середине века, судя по разборным книгам, было рязанское дворянство. Выборные владели в среднем 5 дворами, большинство детей боярских рязанцев не имели крестьянских дворов и даже задворных людей. Деловых людей имело также меньшинство. Однако почти все рязанцы имели людей во дворах (дворовых). Многие дворяне и дети боярские (от 10 до 75 % в разных уездах) предпочитали сдавать свои пустые земли на оброк, получая за это от 1 до 10 и даже 20 руб. в год.

Следующим шагом правительства по упорядочению системы земельных владений явилось межевание земель, рассмотренное в разделе 2.10. Межевание было начато в 1680 г. и явилось следствием коллективных челобитных дворянства. При этом происходила и проверка достоверности сведений о количестве крестьянских дворов, поданных при разборах. Общее количество владений и крестьянских дворов в них возрастало, и правительство подозревало землевладельцев в намеренном утаивании дворов.

Земельное законодательство во второй половине века претерпело определенные изменения в связи с вторжением в эту сферу товарно-денежных отношений, что показано в разделе 2.11. С одной стороны, продолжалась прежняя политика охраны и преемственности родового и «городового» землевладения, «невыхода земли из службы», с другой – устанавливалась система

денежных штрафов за владение чужой землей, за беглых крестьян и др.

Землевладение провинциального дворянства в 1680–1690-х гг. по грамотам Печатного приказа исследуется в разделе 2.12. В это время наблюдается процесс активизации мены земельных владений между московским и провинциальным дворянством, что представляло собой замаскированную форму продажи земли. В обмен провинциальные дворяне получали небольшое количество четвертей в центральных уездах, вблизи столицы. Московские чины и прочие высокопоставленные лица имели преимущества при обмене землями прежде всего ввиду того, что владели поместьями и вотчинами в разных уездах. Московское дворянство владело преимуществом и в получении жалованных грамот на вотчины за службу. Высшие чины и стольники также в первую очередь били челом о розыске и возвращении беглых крестьян и холопов, а также о выплате за них денег, по новым законодательным нормам

Общие итоги экономического развития «городов» подводятся в разделе 2.14. Источники говорят об определенном улучшении материального положения провинциального дворянства к концу XVII в. Несмотря на значительное количество тех, кто вообще не имел крестьянских дворов, эта цифра уже не составляет в большинстве «городов» более 50%, среди провинциальных дворян появляются люди, владеющие 20 и более дворами, хотя в среднем городские дети боярские продолжают владеть не более чем 4 дворами. Но примерно половина этого социального слоя была, как и в начале века, лишена рабочих рук в поместьях.

В главе 3 «Борьба провинциального дворянства за судебные права», состоящей из 18 разделов, рассматривается

вопрос о юридическом положении и судебных привилегиях провинциального дворянства.

В разделе 3.1. показано положение провинциального дворянства в судах в 1620-е гг. «Уложение 136-го года» (1628), состоявшее из 8 указов о судопроизводстве, устанавливало оптимальные сроки явки в суд истцов и ответчиков. Этот вопрос продолжал оставаться насущным для дворян и детей боярских и вылился в несколько этапов борьбы за отсрочки в судебных делах.

В разделе 3.2. рассмотрены судебные отсрочки в первой половине 1630-х гг. Единые и долговременные отсрочки в судебных делах для служилых людей стали устанавливаться накануне и в ходе Смоленской войны, когда пребывание на военной службе не ограничивалось летним периодом. Фактически отсрочки были предоставлены с 1630 до 1 декабря 1634. Однако это было вызвано чрезвычайными обстоятельствами и еще не вошло в ежегодную практику.

Борьба дворян за судебные права привела к установлению системы отсрочек, что показано в разделе 3.3. Эта борьба была связана с тем, что провинциальные дворяне, в отличие от московских, жили достаточно далеко и не успевали явиться в Москву в сроки, назначенные для судебного разбирательства их московскими оппонентами. В феврале 1637 г. после подачи коллективной челобитной для дворян и детей боярских «городов» был установлен один срок приезда к суду в Москву – Рождество. Этот указ положил начало череде почти ежегодных отсрочек на протяжении века. В той же челобитной выдвигалась идея создания выборных судов на местах. Правительство рассматривало указы об отсрочках как способ защиты провинциального дворянства от притеснений «сильных людей» и «обидчиков», то есть богатых

московских чинов, приказных и бояр, и тем самым погасить социальные конфликты. Отсрочки стали беспрецедентно длительными: с февраля по 25 декабря, но касались они только гражданских дел.

В разделе 3.5. рассмотрены грамоты Печатного приказа по судебным делам за апрель 1635 г. Можно сделать вывод, что инициаторами судебных разбирательств были московские чины, а провинциальное дворянство выдвигало очень незначительное количество исков.

Раздел 3.6. посвящен вопросам судопроизводства в коллективных челобитных 1640-х гг. Вопрос о реформе суда стал одним из главных требований дворянских челобитных. Требование провинциального дворянства состояло в создании в Москве высшего апелляционного органа, своего рода Верховного суда, который должен был рассматривать случаи произвола и коррупции. Судопроизводство, по мнению челобитчиков, должно было происходить по единому Судебнику. Особое внимание обращалось на уничтожение «посулов» (взяток) в приказах и при ведении судебных дел, на ответственность судей за «неправедные суды». Дворяне и дети боярские жаловались также на обиды и насилия со стороны церковных властей. В результате этого обращения правительство пошло на некоторые уступки, например, были отменены сроки для дворян в судебных делах с духовенством, учреждалась вторая после царя инстанция для апелляции – Боярская дума, куда переносились спорные дела.

В разделе 3.7. анализируются грамоты Печатного приказа по судебным делам за апрель 1645 г. Судя по ним, можно отметить увеличение юридической активности провинциального дворянства.

В разделе 3.8. описываются отсрочки в конце 1640-х гг. (отсрочки по «вестям») и продолжение борьбы провинциального дворянства за судебные привилегии. В июне 1648 г. челобитная была подана царю Алексею Михайловичу уже не только от дворян и детей боярских, но «всяких чинов людей», «всего простого народа». В ней рисуется образ православного государя как верховного судьи, к которому со ссылками на священное писание и обращаются челобитчики с просьбой об ограждении их от произвола и насилия. Последующие народные волнения послужили причиной смены курса правительства и дальнейшей кодификационной работы Земского собора, которая завершилась изданием Соборного Уложения. Соборное Уложение 1649 г. и явилось тем всеобщим Судебником, «уложенной книгой», суда по которой требовали служилые люди еще в 1637 г. Оно де юре обеспечивало ограничение произвола «сильных» и вводило единое судопроизводство и относительное юридическое равенство сторон. Однако нормы Уложения следовало еще осуществить на практике.

Раздел 3.9. посвящен нормам судопроизводства для провинциальных дворян по Соборному Уложению. Упоминание о дворянах и детях боярских «городов» в статьях главы «О суде» достаточно редко, однако к ним применимы почти все статьи этой главы, что ставило их в более или менее равное положение с московскими чинами. Перемена подсудности по личным мотивам, штрафы за бесчестье высших чинов, сроки явки в суд истцов и ответчиков – эти нормы были одинаковыми для всего дворянства.

В разделе 3.10. поднимается вопрос о наказаниях в отношении провинциального дворянства. Автор приходит к выводу, что наказания эти мало отличались от наказаний для московских чинов.

Дворяне и дети боярские имели право посылать вместо себя на правеж по взысканию долгов своих людей.

Отсрочки в судебных делах в 1650-х гг. и судебные дела по грамотам Печатного приказа исследуются в разделе 3.11. В это время в связи с интенсивными военными действиями отсрочки значительно увеличились, а количество судебных разбирательств резко сократилось.

Во время войны с Польшей отсрочки, в силу непредсказуемости обстоятельств службы, были длительными и нерегулярными, что показано в разделе 3.12, касающемся судебных сроков и дел провинциального дворянства в 1660-е гг. При этом более интенсивными стали мероприятия по розыску беглых крестьян. Количество грамот, связанных с судебными делами, вновь увеличивается к середине 1660-х гг.

В разделе 3.13 рассматриваются отсрочки в судебных делах в 1670–1690-е гг. Время и продолжительность предоставления отсрочек значительно колебалось в зависимости от обстановки на театре военных действий. Однако период возможного участия в судебных разбирательствах для провинциального дворянства был весьма коротким, что могло привести как к затягиванию решения по делу, так и к максимально быстрому его разрешению.

Раздел 3.14. касается судебных дел по грамотам Печатного приказа в 1670–1690-е гг. Провинциальные дворяне составляли лишь небольшой процент (15-20%) челобитчиков по судебным искам. Этим могли заниматься лишь отставные или освобожденные от службы по тем или иным причинам, а также вдовы. Чаше всего иски провинциалов касались розыска и суда над беглыми крестьянами и людьми.

Судопроизводство во время военных действий отражено в разделе 3.15. Во время военных действий в полках разбирались в основном дела о бесчестье. Решение судебных дел входило в обязанности бояр и воевод непосредственно на месте расположения полков. Иногда для этого назначались и особые лица из дворян. Дети боярские, прежде всего отставные, привлекались и к проведению розыскных и следственных мероприятий на местах, в уездах и городах. Для дворян такая служба была «малочестной».

Раздел 3.16. посвящен совершенствованию уголовного законодательства в 1660-1670-е гг. XVII в., что было связано прежде всего с увеличением количества уголовных преступлений во время военных действий. Особое внимание уделялось участию в «сыске» воров и разбойников в городах и уездах губных старост, поддерживалось определенное разделение властей на местах, ограничивался произвол воевод. Провинциальные дворяне, хотя и не имели своего сословного судебно-следственного органа, тем не менее могли отстаивать свои интересы с помощью лица, избранного при их активном участии.

В разделе 3.17. анализируется указ о перемене подсудности и его применение. Дворянство продолжало бороться за независимость суда, и в результате появился указ 1663 г., по которому в случае личной неприязни и конфликтов с воеводами разрешалось переносить судебные разбирательства в соседние города. Этот указ сразу же нашел применение в среде провинциального дворянства.

Совершенствование судопроизводства во второй половине XVII в. рассмотрено в разделе 3.18. Во второй половине века правительство продолжало регламентировать и разрабатывать процессуальное законодательство в целях избежания лишней волокиты и повторного рассмотрения дел. Немалую роль в этом

сыграли и дворянские челобитные. Указом 18 февраля 1684 г. во всех городах для суда уголовных дел предписывалось определить губных старост, которые должны были заниматься уголовными делами, эти дела изымались из юрисдикции воевод. Порядок судопроизводства изменялся в ноябре 1685 г. в связи с челобитной («заручной», то есть имеющей подписи) дворян и детей боярских «розных городов». Они вновь жаловались на московскую судебную бюрократию, длительную «волокиту» судебных разбирательств. Правительство, рассмотрев челобитные и сделав выписки из Уложения, постановило ограничить срок рассмотрения дел в судах месяцем. Если ответчик не объявлялся месяц, его обвиняли, истцу через месяц отказывали. Всего же по регламентации судопроизводства 11 ноября 1685 г. было принято 10 статей. Сократить время судебного разбирательства и увеличить его «легитимность» правительство стремилось и указом об обязательном подписании истцами исковых челобитных – «прикладывании рук».

В разделе 3.19. показаны примеры судебных разбирательств с участием представителей провинциального дворянства на основании документов Московского и Владимирского судных приказов и Устюжской четверти. Здесь есть и документы, свидетельствующие об активных, иногда удачных действиях провинциальных дворян против более высокопоставленных обидчиков. Однако эти источники свидетельствуют и о том, насколько непросто было провинциальному дворянину подтвердить свои права, и насколько длительным и связанным бюрократическими проволочками было рассмотрение этих прав в судах даже после издания Уложения.

Провинциальные дворяне не могли принимать такого же активного участия в судебных разбирательствах, как московские

чины и приказные люди, как в силу долгого пребывания на службе, так и по причине относительной бедности. Вместе с тем на протяжении века провинциальное дворянство постоянно являлось зачинщиком совершенствования судебной системы, невольно защищая при этом интересы не только своей страты, но и всего общества. Отвечая на требования дворянства, правительство вынуждено было реформировать и оттачивать законодательство и судебную систему, устраняя недостатки и оговаривая тончайшие нюансы судебной процедуры. Само принятие Уложения во многом явилось плодом законотворческой деятельности дворянства, в том числе провинциального.

Глава 4 « Коллективные челобитные провинциального дворянства и его участие в политической и административной жизни» посвящена основным формам участия провинциального дворянства в политической и социальной жизни. Она включает 14 разделов.

В разделе 4.1. показаны итоги исследования в XX в. коллективных челобитных дворянства. Ученые приходили к выводу, что коллективными челобитными как провинциального, так и московского дворянства оказывалось постоянное давление на правительство на протяжении целого столетия. Однако необходимо дальнейшее изучение коллективных челобитных дворян и детей боярских, значение которых для выяснения степени самосознания членов городских корпораций еще «недостаточно оценено».

В разделе 4.2. описана тематика и дана оценка коллективных челобитных и позиции дворянства на земских соборах после Смутного времени. Дворянам удалось добиться некоторых экономических и социальных привилегий. Но основные их требования до середины века остались неудовлетворенными. Автор

отмечает яркую и твердую позицию провинциального дворянства на земских соборах, особенно соборе 1642 г., выразившуюся в подаче «сказок» – настоящих публицистических памятников того периода, провозглашающих философию «равенства». Это говорит о высоком уровне государственного и общественного сознания, наличии серьезных и политических и экономических интересов, осознании себя внутри государства как определенного социального слоя. Вместе с тем в «сказках» чувствуется и идеализация прошлого, «прежних государей», характерная для социальных страт, находящихся достаточно далеко от власти.

Раздел 4.3. касается коллективных челобитных в царствование Алексея Михайловича. Дворяне и дети боярские воспользовались началом нового царствования, чтобы вновь подать коллективную челобитную об отмене урочных лет. Вскоре правительство принципиально дало согласие на это требование провинциальных дворян, было также принято решение о кардинальной чистке администрации и приказного аппарата. Однако все эти мероприятия были отложены, и только широкое народное выступление 1648 г. позволило провинциальному дворянству отстоять свои интересы. В челобитной, поданной от имени простого народа в 1648 г., упоминается и о «простом дворянстве», городских служилых людях. В челобитной содержалось предостережение от широкого народного восстания, которое неминуемо разразится, если требования челобитчиков не будут удовлетворены. С другой стороны, для правительства стала предельно ясна роль провинциального дворянства как элемента социальной стабильности на местах. Поэтому оно пошло на беспрецедентные уступки и денежные выплаты. Тогда же представители провинциального дворянства поддержали и интересы купечества, поставив свои

подписи под челобитной с просьбой о запрещении торговли иностранных купцов в России (кроме Архангельска).

В разделе 4.4. рассмотрена типология коллективных челобитных, разработанная И.Л.Андреевым и дополненная автором. Наиболее распространенными были челобитные о службе, о замещении представителей местной администрации, о розыске беглых крестьян, судебных отсрочках. Кроме того, «города» требовали защиты своих сословных интересов в случае столкновения с представителями других сословий в лице уполномоченных администрации и бюрократических учреждений. Особый тип представляют челобитные с жалобами по поводу незаконного верстания или проникновения в ряды города недворянских детей или служилых не по «отечеству». В некоторых случаях челобитные подавались против группы сослуживцев.

Тип коллективных челобитных, касающихся доверия или недоверия представителям местной администрации, воеводам, приказным людям, губным старостам и др. рассмотрен в разделе 4.5. В этом случае служилый «город» мог согласовывать свои действия с представителями других социальных слоев и страт, проживающих в городе и уезде. Подобные челобитные встречаются уже в первой половине века. Иногда такие вопросы также раскалывали уездное и городское общество пополам. В это время подавались челобитные и от имени всех уездных помещиков, в том числе совместно московских чинов и провинциальных дворян. Дворяне проявляли гражданскую инициативу, прежде всего защищая свои интересы, просили о назначении воевод, продолжении срока их службы или расследовании их деятельности, замене воевод губными старостами, смене подьячих.

В разделе 4.6. проанализированы коллективные челобитные второй половины XVII в. В этот период тематика таких челобитных концентрируется также в основном на вопросах, важных для дворянства в его повседневной жизни и службе. Это прежде всего вопросы о сыске беглых крестьян и холопов и о межевании поместий и вотчин. Количество коллективных челобитных увеличилось, однако они уже не содержали прямых угроз правительству. Челобитные показывают, что провинциальные дворяне объединялись и разделялись на группы в том числе по экономическим интересам. Подробно типы челобитных рассмотрены ниже.

Раздел 4.7. посвящен коллективным челобитным о сыске беглых. Они показаны в контексте внутривластных и международных событий. Речь шла о реализации на практике законов о бессрочном сыске беглых, чего дворянству удалось добиться в теории, но практически осуществить эти законодательные положения оно не могло без помощи правительства. Челобитные о сыске появились в разгар войны с Польшей и Швецией, челобитчики жаловались на массовые побег и уголовные преступления крестьян, что объяснялось прежде всего военной обстановкой, когда общий контроль за положением в стране был ослаблен. От количества крестьянских дворов в поместьях действительно зависела способность принимать участие в военных действиях. Трудно объяснить подобные выступления крестьян и челобитные помещиков только обострением классовой борьбы, хотя эксплуатация крестьянства, естественно, во время войны увеличилась. Челобитная 1658 (1660) г. была направлена против все тех же «сильных людей», она содержала просьбу избавить от «межусобного нашего греха и брани», проповедуя

известную философию «равенства» и идею справедливости. А.Г. Маньков и ряд других исследователей считали эту челобитную программным заявлением дворянства с требованием упрочения крепостного права. Вместе с тем следует обратить внимание и на то, что челобитная была подана в момент чрезвычайно тяжелого положения для «служилого класса» и речь в ней шла, по-видимому, не об упрочении крепостного права, а о восстановлении законодательного порядка, провозглашенного Уложением. В конце 1670-х–1680-х гг. также произошли важные изменения уже не столько во внешнеполитической, сколько во внутренней обстановке в стране. Смена на престоле представителей династии Романовых, приближение новых фаворитов, интриги и заговоры при дворе, раздача прежде неприкосновенных земель из «дикого поля» на юге страны, и, наконец, предстоящее новое описание земель и межевание – все это порождало в дворянской среде беспокойство и неуверенность в возможности возвращения беглых крестьян. дворяне обвиняли в своих бедах и нуждах не столько беглых крестьян, сколько само правительство и объявленные им службы и подати, а также воевод и приказных людей, которые ради корысти удерживают у себя беглых. Можно предположить, что возвращение крестьян было проблемой номер один только для очень небольшой относительно богатой прослойки провинциального дворянства. Остальные же, даже если бы от них и сбежали крестьяне, не могли позволить себе организовать действенный розыск и возвращение. Они предпочли бы «поступиться» крестьянином и получить за него деньги от более богатого землевладельца.

В разделе 4.8. речь идет о коллективных челобитных по вопросам административного управления во второй половине XVII в. Эти челобитные подавались, как правило, не просто

провинциальными дворянами, но помещиками и вотчинниками одного уезда. Д.А. Высоцкий полагает, что имел место «дворянский диктат непосредственно на местах» и что воевод и приказных людей фактически выбирали местные дворянские общества. Однако имеются и свидетельства о серьезном давлении правительства и отдельных лиц на дворян-челобитчиков. Внутри городов происходила борьба группировок, они раскалывались, в том числе на московских жителей и местных помещиков, на посадских людей и уездных. Подчас воеводы сами руководили сбором подписей в пользу продолжения своего пребывания в должности. Дворянские подписи часто становились предметом сделок, а иногда и купли-продажи, говорить о прямых «выборах» воевод дворянами не приходится, в большинстве случаев подобное волеизъявление было лишь красивой оболочкой подлинных переговоров.

Раздел 4.9. посвящен выборам в «городах». Документы свидетельствуют, что «города» не проявляли особого энтузиазма при выборе представителей на земские соборы. Участие в их работе было серьезной службой, требовавшей значительных материальных издержек, прежде всего для жизни в Москве. Правительство рассматривало участие в работе выборных органов как годовую службу, наравне с военной.

В разделе 4.10. анализируются коллективные челобитные в грамотах Печатного приказа. Этот источник вновь подтверждает, что во второй половине XVII в. большинство коллективных челобитных подавалось уже не от «городов», а от помещиков и вотчинников того или иного уезда, включая московские чины. Иногда такие челобитные подавались не только от дворян и детей боярских, но одновременно от посадских и уездных людей. Как правило, эти челобитные касались административных вопросов и

судопроизводства в уездах и городах, назначения и смены воевод, подьячих приказных изб и губных дьячков, злоупотреблений местных властей и следствий по ним. Постепенно количество коллективных челобитных увеличивалось, в среднем в месяц в Печатном приказе запечатывалось от 1 до 4 таких челобитных.

Коллективные челобитные от «городов» и полков во время военных действий рассматриваются в разделе 4.11. Большинство из них было связано с просьбами об облегчении условий службы и выплате жалованья. Подавались челобитные и от членов одной городской корпорации, находившихся на службе в разных полках. Как правило, с коллективной челобитной из полка (полков) отправлялся выбранный челобитчик, который должен был получить разрешение на такой отъезд от воеводы, сам процесс подачи коллективных челобитных был включен в работу общей бюрократической государственной машины как его неотъемлемая часть. Часто в челобитчиках из полков оправлялись дворяне и дети боярские, которые должны были подавать челобитные и об отставке. Особняком стоят «общие» челобитные дворян и детей боярских разных «городов» с жалобами на полковых воевод, обвинениями их в коррупции и неправомерных действиях. Такие жалобы на воевод приводили и к серьезным кадровым изменениям в высшем военном руководстве.

В разделе 4.12. речь идет о позиции провинциального дворянства во время событий 1682 г. Тогда дворяне обещали «стоять» за великих государей «доколе душа в теле». Провинциальное дворянство проявило политическую волю, провозгласив себя единственным защитником самодержавной власти в противовес дворянству столичному и высшим чинам, за что получило царскую благодарность. Вновь показало себя

негативное отношение к «сильным людям», которые вызвали почти такую же ненависть, как и стрельцы.

В разделе 4.13. показаны результаты изучения коллективных челобитных по земельным вопросам первой половины 1680-х гг. Разрешение на приобретение думными и московскими чинами земель в южных уездах страны, данное правительством Федора Алексеевича, породило новые конфликты между провинциальным дворянством этих уездов и новыми землевладельцами. Конфликты влекло за собой и начавшееся в 1681 г. межевание земель. Все это нашло отражение в новой волне челобитных дворянства с жалобами на «сильных и мочных людей» и с требованиями провести валовое описание земель с участием выборных. Челобитчиками в это время выступили главным образом дворяне и дети боярские южных уездов, к ним присоединялись и представители московских чинов, пострадавшие от действий высшей знати. Правительство искало компромисс и шло на уступки служилым людям, прежде всего провинциальному дворянству южных уездов. Оно должно было учитывать интересы как богатых и «сильных», так и бедных землевладельцев. Само же проведение описания было выгодно именно широким слоям провинциального дворянства.

В разделе 4.14. подводятся итоги и дается оценка роли коллективных челобитных дворянства в XVII в. Безусловно, коллективные челобитные были средством борьбы за классовые и сословные интересы, однако часто просто за выживание. Такие «общие» челобитные подавались в кризисные или переломные моменты развития государства, когда старое сменялось новым, а в процесс этой смены дворянство могло пострадать. В 1630-е гг. челобитные были связаны с изменениями условий службы и побегам крестьян во время пребывания помещиков на театре

военных действий под Смоленском, во второй половине 1640-х гг. с новыми политическими условиями и экономическими мероприятиями правительства, в 1650–1660-е гг. с тяжелыми условиями войны с Польшей и Швецией, приводившими также к массовым побегам крестьян, в конце 1670– начале 1680- х гг. с мероприятиями по разбору служилых людей и составлением новых писцовых книг, что также приводило к созданию условий для вывоза и побега крестьян. Коллективные челобитные и представительство выборных окладчиков и дворян позволяли правительству контролировать и регулировать обстановку на местах, ограничивать власть аристократии, произвол администрации и воевод, а также укреплять свою собственную власть и власть самодержавного монарха. Сам процесс подачи таких челобитных поощрялся сверху, такая форма управления государством была связана с тяжелыми внешнеполитическими условиями и неустойчивым положением на протяжении XVII в. самого государства и династии Романовых.

В главе 5 «Расширение социальной базы дворянского сословия в XVII в.» посвящена феномену поверстания в дети боярские представителей низших сословий и состоит из 12 разделов.

В разделе 5.1. рассматриваются имеющиеся в исторической науке точки зрения по этому вопросу. Самым заметным дореволюционным историком, упомянувшим о том, что в XVII в. встречались случаи верстания из казаков в дети боярские, был В.Н.Сторожев. Советские историки этому феномену уделили уже большее внимание. Они рассматривали поверстание казаков и других представителей низших сословий в дети боярские как временные уступки, вызванные либо событиями Смутного времени, либо строительством Белгородской черты и борьбой за выход к Черному

морю. Преобладало убеждение, что во второй половине XVII столетия доступ в ряды сословия постепенно закрывался. Представляется, что причины подобного доступа лежат глубже.

В разделе 5.2. представлены случаи верстания в дети боярские «неслужилых отцов детей» в конце XVI – первой половине XVII в. и рассмотрена практика подобного рода. Правительство должно было, с одной стороны, удерживать стабильность общества, препятствуя размыванию сословий и закрепляя их на той службе, в которой они уже находятся, с другой – в связи с проведением активной внешней политики и расширением границ государства необходимо было увеличивать численность служилых людей.

В разделе 5.3. речь идет об указах о верстании в дети боярские. Текст их известен лишь по упоминаниям. С одной стороны, категорически запрещалось верстать «без государева указу» «неслужилых отцов детей», «поповых детей и холопей боярских». Казачьи дети могли быть поверстаны при условии, что их отцы были верстаны и владели поместьями. Однако в связи с необходимостью укомплектования полков нового строя и защиты черты от набегов правительство, по всей вероятности, в 1652/53 г. прибегло к указу о верстании в дети боярские большого количества казаков и «вольных людей», живших на границах государства. В дальнейшем власти пытались оговорить каждый случай верстания из казаков и других сословий особым указом.

Такая практика верстания и отдаленность городов часто приводили к злоупотреблениям, случаи которых рассмотрены в разделе 5.4. В столбцах Разряда довольно много челобитных о поверстании неправильном и за взятки. Иногда правительство под давлением воевод или городских корпораций тех сословий, откуда были взяты вновь поверстанные в дети боярские, устраивало «сыск»

(расследование) о правомерности верстания и даже издавало указы о возвращении в прежнюю службу. Однако такие случаи были чрезвычайно редки. Многочисленные указы и грамоты правительства скорее свидетельствуют о бессилии остановить приток в южные города нововерстанных из других социальных страт детей боярских.

Необходимость проверки правильности верстания была обусловлена прежде всего стремлением возвратить владельцам беглых крестьян. Порядок такого возвращения описывается в разделе 5.5. В делах Разрядного приказа сохранилось несколько дел по челобитным помещиков о возвращении беглых крестьян. Указом 1653 г. запрещался возврат крестьян записавшихся в службу в городах «по черте» до принятия Соборного Уложения. За них полагалось выплачивать деньги. В дальнейшем разрешено было не отдавать поверстанных и записавшихся в службу до 1653 г. В 1675 г. происходил общий разбор Белгородского полка. Большинство из тех, кто был записан в разборные книги, уже не возвращались помещикам и оставались на службе, так как они служили «старо», были ранены и побывали в плену. В 1675 г. происходил общий разбор Белгородского полка. Большинство из тех, кто был записан в разборные книги, уже не возвращались помещикам и оставались на службе, так как они служили «старо», были ранены и побывали в плену. Но и затем далеко не всегда бежавшие и поверстанные в дети боярские крестьяне возвращались их владельцам. Рассмотренные документы свидетельствуют о стремлении правительства сохранить уже имеющихся служилых людей в украинских городах, опираясь на существующее законодательство и жертвуя иногда при этом интересами дворянства замосковных «городов».

В разделе 5.6. речь идет о статусе «сына боярского» в первой половине XVII в. Отношение к городской службе и к самому

понятию «сын боярский» на протяжении XVII в. существенно меняется. В первой половине века оно имеет достаточно высокий и престижный смысл. Уже в 30-е гг. XVII в. проявились новые тенденции в социальной политике, связанные с военными нуждами. В июле 1634 г. по царскому указу состоялось верстание в дети боярские солдат «пеших кормовых», по происхождению как детей боярских, так и «вольных» «всяких чинов людей». Однако в то время это было еще исключением, наличие поместья у сына боярского предполагало его сотенную службу «с городом».

В разделе 5.7. показано, как верстание в дети боярские солдат выборных полков изменило содержание этого понятия. Во второй половине века критерием годности к поверстанию в дети боярские все больше и больше становится служба. Ярким примером является поверстание в дети боярские солдат выборного Московского полка А.А. Шепелева. Оно началось в 1660 г. и продолжилось до конца века. Верстались как дети боярских детей, так и казачьи дети, стрелецкие дети, вольные люди, дети посадских людей и даже крестьян.

В разделе 5.8. показано значение верстания для изменения социального статуса. Верстание и конная служба были основанием для получения статуса сына боярского в первой половине XVII в. Солдатская служба впервые в Московском государстве становится достаточным фактором для получения нового статуса уже во второй половине того же века.

В разделе 5.9. рассмотрены случаи верстания в дети боярские представителей различных социальных страт: посадских людей, представителей гостиной сотни, подьячих. Социальный спектр привлечения «розных чинов» в дети боярские был достаточно широк.

Верстались в дети боярские даже бывшие крестьяне, о чем идет речь в разделе 5.10. Как правило, это были государственные или

дворцовые крестьяне, которые сначала записывались в солдатскую или драгунскую службу, а затем верстались окладами.

Случаи перехода стрельцов в дети боярские правительство стремилось пресечь после их выступления 1698 г., о чем говорится в разделе 5.11. В 1698/1699 г., был, по-видимому, издан особый указ о возвращении стрельцов в прежнюю службу, о чем имеется упоминание в одной из «изветных» челобитных.

Раздел 5.12. подводит итоги изучения феномена поверстания в дети боярские. Документы показывают, как намечаются основные контуры петровского законодательства по вопросу о приобретении выслуженного дворянства. Впоследствии петровская «Табель о рангах» значительно затруднит доступ в ряды дворянства представителям низших сословий по сравнению с положением дел в XVII в.: если ранее сама солдатская служба давала право на небольшое поместье и запись в соответствующие книги и списки, то в начале XVIII в. для этого будет необходим обер-офицерский чин.

В главе 6 «Повседневная жизнь провинциального дворянства в XVII веке» сделана попытка воссоздать картину повседневной жизни уездного дворянства. Она состоит из 5 разделов.

В разделе 1 анализируются источники, отражающие уровень грамотности провинциального дворянства. Эти источники свидетельствуют о достаточно высоком уровне грамотности, в некоторых «городах» на уровне 40-50% состава.

Наиболее высок был уровень грамотности среди выборного дворянства. Имеются и свидетельства о раннем начале обучения грамоте дворянских детей. Об уровне грамотности свидетельствуют и подписи под коллективными челобитными. Документы говорят и о том, что дворяне и дети боярские во время службы и нахождения в

Москве по делам вели переписку со своими семьями. Дворянство проявляло и большой интерес к книге, в том числе и к собиранию книг. Об уровне грамотности и образованности в среде провинциального дворянства можно судить по данным приходных книг книжной лавки Московского Печатного двора середины XVII в. Прежде всего дворяне стремились приобретать книги, необходимые в практической повседневной жизни, главным образом Уложение.

В разделе 6.2. рассматривается роль религии в повседневной жизни провинциального дворянства. Степень религиозности зависела от уровня образования, которое в то время было целиком в ведении церкви, поэтому более образованные люди, стоящие на верхних ступенях социальной лестницы, были и более верующими. Об этом говорит и количество икон и книг в дворянских усадьбах. Грамотность помогала понимать содержание церковных служб и вникать в смысл церковных книг. Однако в приобретении книг духовного содержания дворянство значительно отставало от церковников и торговых людей. Впервые напечатанная в 1664 г. Библия раскупалась очень широко (1456 книг), однако дворянство приобрело не более 13 % всех книг. Среди этих 13 % трудно выделить провинциальных дворян, но можно предположить, что Библию в то время приобрели не более 10 человек этой социальной группы. Такую невысокую активность провинциального дворянства в области приобретения печатных книг можно объяснить его общей бедностью и дороговизной печатных изданий. Вместе с тем, если судить по переписке, многие из дворян были весьма начитаны в Священном писании и постоянно цитировали не только эти книги, но и произведения отцов церкви. Для многих писем характерен высокий стиль, пафосный слог, обилие упоминаний о предании

своей судьбы в руки божественного Провидения. Не раз отправлялись провинциальные дворяне и в паломничества в монастыри для того, чтобы помолиться и поклониться святым мощам. Им придавалось большое значение во время болезней и при исцелении от ран. Многие дворяне успевали исповедываться и причащаться и во время службы, в дальних походах.

В разделе 6.3. речь идет о понятии «чести» в среде провинциального дворянства. Документы свидетельствуют, что для этой страты важным было как понятие родовой чести, так и чести личной. Бесчестием считалось и потеря чина, и назначение на не престижную службу, и запись в список нетчиков, бегство со службы, телесное наказание, личное оскорбление. Нередко дворянские корпорации добивались исключения из числа своих членом представителей низших сословий, записавшихся в десятни обманом. По поводу нанесенного бесчестия предпочитали обращаться в суд, а не пытаться искать удовлетворения с помощью оружия, что было связано прежде всего с запретом церковью поединков и боязнию умереть без покаяния.

В разделе 6.4. рассматриваются предметы повседневного обихода провинциального дворянства: постройки во дворе, домашний скот, иконы, предметы мебели, ковры, посуда.

Раздел 6.5. посвящен одежде провинциального дворянства, гардеробу небогатого провинциального дворянина как в зимнее, так и в летнее время. О том, какое платье и какие украшения носили жены, сестры и дочери провинциальных дворян, дают представление рядные и сговорные записи.

Повседневная жизнь провинциального дворянства менялась а соответствии общими изменениями менталитета и бытовых представлений в стране. Постепенно повышалась потребность в

грамотности, обучении, началось собирание библиотек, в основном, конечно, книг духовного содержания. Самые богатые гнались за модой, приобретая модную одежду и обувь, предметы мебели, устраивая в своих усадьбах сады и пруды. Вместе с тем изменения происходили медленно и затрагивали небольшой процент дворян и детей боярских «городов». Основная же масса служилых людей на местах была неграмотной, и хотя обращала большое внимание на вопросы веры и чести, собирала семейные архивы, но интересы ее в основном сосредотачивались вокруг урожая и цен на зерновые и скот. Впрочем, подобное положение с теми или иными нюансами было характерно и для следующего века.

В заключении подведены итоги исследования, сделаны основные выводы об эволюции социального и экономического положения провинциального дворянства на протяжении XVII в., с одной стороны, и о сохранении традиционных форм его социальной организации, таких, как служилый «город». Основные выводы исследования отражены в положениях, вынесенных на защиту.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

I. Монография: *Лантева Т.А.* «Провинциальное дворянство России в XVII веке» М., Древлехранилище, 2010. Типография ЗАО «Гриф и К», г. Тула. 596 с. 32 с. илл. 18,6 печ. л.

II. Статьи и тезисы докладов:

1. **Документы о внутренней политике России начала XVIII в. в фонде «Кабинет Петра I и его продолжение» // Советские архивы. 1986. № 6. С. 35–39.**
2. **Об «Арапе Петра Великого»: Материалы для биографии А.П.Ганнибала // Исторический архив. 1992. № 1. С. 182-188.**

3. **«Что в государстве делаетца дурно...»:** Государево дело стряпчего И.А.Бутурлина. 1634 г. // Исторический архив. 1993. № 4. С. 178–186.
4. **«И мы осадных сидельцев за службы велели испоместить»:** Жалованная грамота Совета всея земли 1613 г. // Исторический архив. 1993. № 6. С. 192–196.
5. **«Иноземцам вотчины продавать...»:** Дело Поместного приказа о наследовании вотчины Ю.Ю.Абрамова. 1676–1687 гг. // Исторический архив. 1994. № 1. С. 208–218.
6. **«Просил нас аглинский купец ...»** Документы из архивов России и Англии. 1714–1715 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 168–195.
7. Документы Иноземского приказа как источник по истории России XVII в. // Архив русской истории. 1994. № 5. С. 109–127.
8. **«Как при котором государе жаловальные грамоты даны...»:** Выписка в Посольском приказе. 1615 г. // Исторический архив. 1995. № 1. Россия и Великобритания.
9. **Первое посольство России во Франции: Статейный список И.Г. Кондырева и М. Неверова** // Исторический архив. 1996. № 1.
10. **Приезд в Москву бранденбургского гонца Христофора Георги. 1675 г. (в соавт. С Н.Ю.Болотиной)** // Исторический архив. 1998. № 1. С. 183–196.
11. Повседневные записки делам князя Меншикова 1716–1720, 1726–1727 / Публикация С.Р.Долговой и Т.А.Лаптевой // Российский архив. Т. 10. М., 2000; М., 2004. 645 с. 40, 5 печ. л.
12. **Лаптева Т.А., Эскин Ю.М.** Книга о выдающемся археологе и архивисте. Рец. на кн.: Щавелев С.П. Историк Русской земли. Жизнь и труды Д.Я.Самокувасова. Курск, 1998. // Отечественная история. 2000. № 6. С. 186–187.
13. **Лаптева Т.А.** К вопросу о расширении социальной базы дворянского сословия в XVII веке (поверстание в дети боярские представителей других сословий) // Отечественная история. 2003. № 5. С. 81–95.
14. **«Данная по челобитью Семеновского полку сержанта Александра Меншикова»:** Записи грамот в Печатном приказе. 1695 г. // Исторический архив. 2003. № 2. С. 4–6.
15. Материалы к биографии Д.П.Бутурлина // Российский архив. Новая серия. М., 2003. С. 525–528.
16. Письма А.Д. Меншикова в Кабинет е.и.в. 1716–1724 // Петровское время в лицах –2003. Краткое содержание докладов научной конференции, посвященной 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 68–72.

17. Привилегированное купечество России во второй половине XVI–первой четверти XVIII в. Сборник документов. Т. 1. Отв. сост. Т.Б.Соловьева. Составитель Т.А.Лаптева. М., РОССПЭН, 2004. 519 с. 32, 5 печ.л.
18. **Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) /Сост. Т.А.Майкова. Вып.1–2. М., Кругъ, 2004 / Рец. // Отечественная история. 2005. № 1. С. 169–171.**
19. Владения князя Меншикова в Москве и Московском уезде (в соавт. с М.В.Николаевой) // Петровское время в лицах. Материалы научной конференции. СПб., 2005. С.136–153.
20. Новые дворянские роды в России в XVII веке // Сборник памяти М.П.Лукичева. М., «Древлехранилище», 2006. С. 555-586.
21. Земельные владения иноземцев в Московском уезде в XVI–начале XVIII веков // Иноземцы в России в XVI–XVII веках. Сборник материалов конференций 2002–2004. М.,«Древлехранилище», 2006. С. 284–291.
22. Посольский церемониал и провинциальное дворянство //Репрезентация власти в посольском церемониале и дипломатический диалог в XV–первой трети XVIII вв. Третья международная научная конференция цикла «Иноземцы в Московском государстве», посвященная 200-летию музеев Московского Кремля. Тезисы докладов. М., 2006. С. 75-77.
23. Ф. Лефорт: Сборник материалов и документов /Составители Т.А. Лаптева, Т.Б. Соловьева. М., «Древлехранилище», 2006. 567 с. 35, 5 печ. л.
23. Иностранные инвестиции в России. М., изд. Дом «Дейч», 2006. (текст). 207 с.
24. Россия и Британия: XVI– XIX века. Сборник документов /Авторы-составители С.Р.Долгова, Т.А.Лаптева. М., «Древлехранилище», 2007. 115 с. 9 печ. л.
25. Жак Маржерет: Состояние Российской империи /Жак Маржерет в документах и исследованиях (Тексты, комментарии, статьи) / Авторы и составители Ан. Берелович, Т.А.Лаптева, В.Д.Назаров, П.Ю.Уваров. М.,»Языки славянских культур», 2007. 550 с. 34, 5 печ. л.
26. Купецкая палата в XVII веке // Архив русской истории. Вып. 8. М., 2007. С. 629-635.
27. Род Васильчиковых в XVII веке // Мелихово. Альманах. 2007-2008. Мелихово, 2008. С. 273-278.
28. Эволюция служилого «города» в XVII веке // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и

- раннее Новое время: Сборник статей памяти академика Л.В.Черепнина. М., 2010. С. 684-693.
29. **Повседневная жизнь провинциального дворянства России в XVII веке // Российская история. 2010. № 4. С. 107-117.**
30. **Источники приказного делопроизводства по истории провинциального дворянства в России XVII века // Отечественные архивы. 2011. № 3. С. 10-19.**
31. **«Воеводам в Кашине не быть...»: Документы РГАДА о реорганизации местного управления в России. 1628-1629 гг. // Исторический архив. 2011. № 5. С. 172-186.**
32. **«По указу вашего величества з живописцем договорился писать баталии» : Документы РГАДА об исполнении парижскими мастерами заказа Петра I. 1717-1727 гг. // Исторический архив. 2011. № 1. С. 182-197.**
33. Десятни как источник по истории приказного делопроизводства XVII в.// Проблемы дипломатики, кодикологии и актовое археографии: Материалы XXIV международной конференции. М., 2012. С. 378-379.
34. **Борьба провинциального дворянства России за судебные права в XVII веке // Российское правосудие. 2012. № 9 (77). С. 85-90.**
35. *Лаптева Т.А.* Дворянство «городов» Новгородского разряда по итогам разборов начала XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682-1750). М., 2013. С. 398-407.
36. *Лаптева Т.А., Якушкин Г.Р.* Документы РГАДА о Смутном времени // Преодоление Смуты в России в начале XVII века. Каталог выставки. М., Древлехранилище, 2012. С. 72-84.